

ПУЛЯ

Рассказы

**«ВЫРАЗИТЕЛЬНО И ЧИСТО,
КАК СТЕКЛЫШКО...»**

Евгений Григорьевич Новичихин родился в 1939 году в селе Верхнее Турово Нижнедевицкого района Воронежской области. Окончил Воронежский лесотехнический институт. Автор более сорока сборников стихотворений для детей, сатирических миниатюр, литературных пародий, переводов, краеведческих этюдов, нескольких киносценариев. Лауреат премий им. М.А. Булгакова, А.П. Платонова, Е.И. Носова, «Родная речь» журнала «Подъём», премии «Имперская культура» им. Э. Володина. Заслуженный работник культуры РФ. Член Союза писателей России, Союза кинематографистов. Живет в Воронеже.

Недавно в свет вышли две новые книги Евгения Новичихина — сборник военной прозы «Жить долго» и избранные поэтические переводы «Параллели». Они стали настоящим литературным подарком ценителям творчества известного российского писателя, поэта, сценариста, нашего земляка, которому исполняется 85 лет со дня рождения.

Евгений Григорьевич Новичихин — заслуженный работник культуры России, лауреат многих престижных литературных премий — им. М. Булгакова, им. А. Платонова, им. Е. Носова, им. В. Белокрылова, Центрального федерального округа России, «Родная речь» (журнал «Подъём»), Национальной премии «Имперская культура» им. Э. Володина, конкурса «Золотые вилы» журнала «Крокодил», Всесоюзного конкурса на лучший перевод стихов Ю. Янониса, форума «Достоиние культуры Воронежа» и так далее.

Родившийся в селе Верхнее Турово Нижнедевицкого района, с годами Евгений Григорьевич обрел духовную родину в Воронеже. Здесь в областной газете «Коммуна» были напечатаны его первые стихи. В Воронеже он окончил инженерно-строительный институт, после работал инженером. С 1973 года — редактор отдела

поэзии и публицистики широко известного в стране воронежского литературно-художественного и публицистического журнала «Подъём», далее — его ответственный секретарь, главный редактор. В 1977 году Евгения Григорьевича приняли в Союз писателей СССР. Дважды он избирался председателем правления Воронежского отделения Союза писателей России. Позже работал директором Воронежского областного литературного музея им. И. С. Никитина, председателем комитета по культуре администрации Воронежской области. Особо нужно отметить, что Евгений Григорьевич — один из создателей Музея Усадьбы Дмитрия Веневитинова в селе Новожиловинное Воронежской области, автор и руководитель проекта широко известной серии книг «Воронежские писатели: XXI век» и так далее. Также был Евгений Новичихин главным редактором еженедельника «Юго-Восточный экспресс», заместителем главного редактора газеты «Вперед» ЮВЖД.

При всем при этом он в первую очередь поэт, публицист, прозаик, переводчик, кинодраматург, сатирик и юморист. Как видно из этого даже неполного перечня, в творчестве писатель стремился реализовать себя в самых разных направлениях. И во всех предпочитаемых им жанрах он создает произведения на столь высоком творческом уровне, что читатель каждую его книгу воспринимает как знаковое духовное открытие. При этом в какой бы области словесного искусства не работал — всегда ему сопутствовал и сопутствует значительный успех. Скажем, как сатирик-юморист он еще в начале 70-х годов прошлого века стал обладателем «Золотых вил» знаменитого в ту пору всероссийского сатирического журнала «Крокодил». Диплом о награждении Новичихина был подписан людьми, которых не надо представлять: Аркадий Райкин, Юрий Никулин, Никита Богословский... Неспроста сатирические миниатюры Евгения Григорьевича вошли в четырехтомную антологию «Всемирная эпиграмма».

А детские поэтические книги Новичихина? Их издано немало, и каждая становилась настоящим праздником для малышей и их родителей. Взять тот же его «Веселый букварик». Он за два года выдержал пять изданий в Воронеже и Москве. Есть еще одна уникальная новичихинская работа — азбука «Православный букварик для малышей», которая тоже так необходима и детям, и взрослым. Или, допустим, кинодраматургия. С середины 1990-х годов писатель плодотворно работает в этом жанре. Им создано несколько киносценариев, по трем из которых сняты художественные картины на «Мосфильме» и киностудии имени Горького. Как сценарист Евгений Григорьевич удостоен премии двух знаковых российских кинофестивалей. Особо хочется отметить, что на кинофестивале «Литература и кино» в Гатчине снятый по сценарию Новичихина художественный фильм «Опять надо жить» стал обладателем престижного приза — приза зрительских симпатий. И когда Василий Степанович Панин, земляк-режиссер, предложил ему написать литературный киносценарий по произведениям Андрея Платонова, он, ничего ему не обещая, взялся за дело. Работа была интересна еще и тем, что пришлось как бы переводить тексты с языка литературы на язык кинообразов. Это в определенной степени сродни жанру литературного перевода, которым Новичихин увлекался всегда. Произведения Платонова для киносценария он выбрал сам. Кстати, с таким же предложением режиссер обратился не к одному Новичихину. Но так сложилось, что именно его сценарий более других понравился режиссеру Панину. В 2003 году Евгения Григорьевича за снятые по его сюжетам кинофильмы приняли в Союз кинематографистов России.

И все же особая по значимости тема — проза и поэзия Евгения Новичихина. Многие годы его повести, рассказы и стихотворения публикуются в самых авторитетных журналах России, выходят отдельными книгами. В итоге

на сегодня Новичихин — автор более пятидесяти книг поэзии, прозы, публицистики, вышедших в лучших издательствах Москвы, Воронежа, Тамбова. Его произведения переведены на многие языки народов мира.

Казалось бы, как при таких обстоятельствах «забронзоветь»? Но подобные перспективы не вписываются в творческое кредо Евгения Григорьевича. А оно у него простое: быть верным правде жизни, видеть в ней главное — душу нашего народа, его лучшие священные крепости. В его прозаических произведениях, при всей их многоуровневой тематике, внимательный читатель обязательно заметит почерк писателя-патриота из особого поколения «детей войны», чьи произведения пришли к читателю вслед за «лейтенантской прозой» и мужественно приняли от авторов-фронтовиков Знамя Победы. Поэтому в любом рассказе, повести, сценарии Новичихина на первом месте — не только сюжеты, связанные с бессмертной темой Великой Отечественной войны; даже в тех из них, что рассказывают о жизни нынешней, явно ощущается, что та большая война не прошла мимо этого писателя, ее боль и героическая правда навсегда присутствуют в его душе, опаленной огнем былых сражений с фашистской Германией и ее сателлитами.

Опубликованная в 2023 году новая книга Евгения Новичихина «Жить долго» — тому убедительное свидетельство: вошедшую в нее повесть и рассказы объединяет благородная память о событиях, так или иначе связанных со священной Великой Отечественной. В основе большей части ее сюжетов — реальные истории, разворачивавшиеся на малой родине Евгения Григорьевича в воронежском селе Верхнее Турово. Кстати, как не отметить, что Новичихин ко всему — еще и Почетный гражданин родного ему Нижнедевицкого муниципального района Воронежской области.

Однако писатель не замыкается в пространствах собственного творчества. Как уже было сказано выше, этот чело-

овек занят активной общественной жизнью, предельно внимателен и заботлив в отношении начинающих молодых авторов.

«В людях очень ценю талант, — говорит Евгений Новичихин. — Любой — талант писателя, художника, рабочего, крестьянина... Подлинный талант не в силах погубить ни время, ни богатство, ни нищета. Но я знаю немало примеров, когда талант загублен непорядочностью его обладателя. Поэтому выше любого таланта ставлю обыкновенную человеческую порядочность».

А этого качества самому Евгению Григорьевичу не занимать. Он всегда открыт, настроен позитивно, доступен для ждущих его совета, деятельно помогает стать на крыло творческой молодежи, делает очень многое для помощи и поддержки собратьев по перу всех возрастов.

Многоцветная палитра творческой ауры прозаика, поэта, переводчика, публициста Новичихина не тускнеет со временем. Ее эффективно подпитывают новые полноценные и перспективные замыслы. Одним словом, относительно Евгения Григорьевича известную фразу о «муках творчества» можно смело заменить на «радость творчества»!

Писать о прозе Евгения Григорьевича — это и ответственно, и в то же время увлекательно, как бывает всегда в минуты соприкосновения с подлинным мастерством. Настоящее искусство проявляется в деталях. Достаточно раскрыть любую книгу Новичихина, и всякая страница будет убедительным свидетельством того, что перед нами подлинный мастер слова: «Санек метнулся в сторону небольшого бугорка перед лесом и залег за ним. Это было хорошее укрытие, из-за которого немцы были видны ему на снегу так отчетливо, как бывают заметны черные пуговицы на белой сорочке».

Но самое главное в прозе Евгения Григорьевича — любовь к Родине малой и большой, к ее замечательным мудрым и совестливым людям, способным пожертвовать ради других собственной

жизнью. Они представят себе не могут жизнь вне родных мест. В этом убеждает пример уже из мирных дней: рассказ «Степаныч» заканчивается смертью главного героя, бывшего сельского агронома, которого на старости лет из самых лучших побуждений поместили в пансионат для пожилых людей:

И что же? «Не смог Степаныч жить без своей Андреевки. Да и сама Андреевка без него стала уже другой. Лишь одинокий тополь, который в селе теперь называли тополем Степаныча, да покосившаяся скамья, сделанная когда-то его руками, напоминали о старике, для которого дороже его Андреевки не было ничего на свете...» А начинался этот рассказ такими душевными словами: «В Андреевке Степаныча знал каждый — от мала до велика».

В такой высокой оценке литературного творчества Евгения Григорьевича я, поверьте, не одинок. Когда рассказ Новичихина «Сосед» о селянине, который в годы Великой Отечественной стал фашистским полицаем в родном селе, был размещен на всероссийском сайте «Росписатель», многие российские литераторы написали свои позитивные сердечные отзывы — Иван Щёлоков, Виталий Жихарев, Зоя Покорная (Колесникова), Юрий Крупенич, Петр Бойченко, Сергей Луценко, Василий Воронов и многие другие.

Не удержусь, чтобы частично не процитировать ряд их высказываний по поводу прочитанного:

«Рассказ Евгения Григорьевича удивительно силен высшим пониманием смысла жизни, естественным слогом и удивительно многозначным, философским финалом. Редко кому так удается писать...»

«Дорогой Учитель, с интересом — до запятой, до каждого пробела между буквами — читаю все, тобою написанное. Читаю и учусь. Спасибо за высокий пример в жизни и творчестве. Несчетных лет тебе в здравии!»

«Прочитала рассказ на одном дыхании! Яркое, емко, правдиво, за душу берет. Простота изложения сродни гени-

альной. Все так и не иначе... Спасибо Вам за рассказ, за то, что Вы есть. Здоровья Вам на долгие годы!»

«Я восхищен сюжетом! Редкому мастеру удаются такие новеллистические сюжеты! Что касается других достоинств этой публикации, то точнее, чем Василий Воронов, не скажешь: “Выразительно и чисто, как стеклышко”...»

Значимое пространство в творчестве Новичихина занимают литературные переводы. И в этом сложнейшем жанре, расширяющем его литературные горизонты до общемирового уровня, Евгений Григорьевич ярко успешен и широко известен. Ему присваивается звание лауреата Всесоюзного конкурса на лучший перевод стихов «литовского Маяковского» — Юлюса Янониса. Получили высокую оценку его переводы и с других языков. Скажем, переводы с украинского Петра Ребро, Владимира Чубенко, Богдана-Игоря Антонича. В 1995 году издана книга избранных переводов Евгения Григорьевича «Берега». Но чаще всего Новичихин переводил и переводит на русский греков: Костис Паламас, Яннис Ридос, Георгис Сеферис, Ставрос Боснакидис, Георгис Веллас... В 2008 году в издательстве «Река Времени» в книжной серии «Воронежские писатели: XXI век» вышла книга переводов греческих авторов «След». Евгений Григорьевич — один из основных переводчиков «Антологии новогреческой поэзии», изданной и в Элладе, и в России. В итоге газета «Омония», выходящая в Афинах, назвала его лучшим переводчиком современной греческой поэзии на русский. И это не случайность. За всем этим видна глубинная родственность между нашей культурой и великим наследием эллинского творчества, ведущего свое начало от гения Гомера.

В изданной Новичихиным книге избранных поэтических переводов «Параллели» собрано лучшее из того, что он сделал в этом жанре за полвека творческой деятельности. В ней представлены его переводы с греческого и туркмен-

ского, латышского и литовского, а также ряда других языков ближнего и дальнего зарубежья. Хочется отметить удачное название этой книги. С одной стороны, параллели — условные линии, проходящие на географических картах через страны и континенты, которые как бы символизируют связь между народами мира; с другой стороны, талантливые строки переводов на русский язык вполне адекватны, в какой-то степени параллельны столь же талантливым строкам оригиналов.

Переводы Евгения Григорьевича хорошо отражают не только движение поэтической мысли того или иного автора, но и особенности национального характера, истории, обычаев страны, которую представляет каждый поэт.

Как пример хочу привести отрывок из перевода известного, я бы сказал, программного стихотворения Юлиуса Янониса:

Не думайте, барды,
Что ваша задача —
Творить безмятежно
Одни дифирамбы,
Что можно беспечно
С природою слиться,
Смотреть безучастно
На горе людское.
Совсем не для этого
Музы вам дали
Язык свой прекрасный
И звонкую лиру...

Нельзя не отметить, что переводы Евгения Григорьевича были высоко оценены в литературных кругах во всех странах, поэты которых вошли в сборник «Параллели». Как итог, эта книга стала замечательным подарком российскому читателю.

Говоря о произведениях двух новых сборников писателя Евгения Новичихина, особо нужно заострить внимание на новой повести автора «Жить долго», которая дала название всей книге — она ее является центральным произведением. Писатель был вживе в огненном смертоносном круговороте, произошедшем с ним и его близкими в родном селе, оккупированном фашистами.

Напомню, что зимой сорок третьего они перед уходом из села Верхнее Турово облили бензином и забросали гранатами погреб, в котором прятались дети. В том погребке был и маленький Женя. Но, почувствовав сердцем страшную беду, мать тайком увела его, четырехлетнего, и его десятилетнего брата из рокового погребка за несколько минут до случившегося со словами: «Погибать так вместе!». Это событие осталось в памяти Евгения Григорьевича на всю жизнь, обрело значение нравственного ориентира, источника высшего духовного смысла. Оно, смею думать, во многом определило тот всем нам известный высокий духовный уровень писателя и человека Евгения Новичихина, его глобальное мировоззрение, благородство и душевность.

Лучше не скажешь, как написал об этой повести на сайте «Российский писатель» один из коллег Евгения Григорьевича: «Сюжет прост, а смысл неисчерпаем». Это и есть главный признак талантливого произведения.

«Памяти родных мне людей» — написал в своем авторском посвящении к повести Евгений Новичихин, которая заканчивается такими словами: «Почему одни люди живут долго, а другие уходят рано, не успев нарадоваться и настрадаться?..» — задумался Юрий Григорьевич... И сердцем понял: «Мама жила долго, радовалась и страдала за своего мужа, моего отца, который умер, едва выйдя на пенсию... Брат Борис жил за девочку Настю с красивой светло-русой косой... А я живу за свою сестренку, оставшуюся вместе с Настей в том кровавом погребке...»

...К утру он стал забываться. Ему привиделся тот самый погреб. Там собрались все: и он сам, и его маленькая сестренка, и брат, и мама, и отец, и тетя Поля. Было страшно... Внезапно он отчетливо ощутил запах бензина и стал задыхаться. Ему захотелось открыть — то ли дверцу погреба, то ли окошко вагона. Он попытался подняться, но увидел большой огненный шар, катящийся прямо к ним всем. Его охватил еще

больший испуг, и он инстинктивно прикрыл своим телом сестренку. Тут же почувствовал, что их прикрыли — всех вместе — и мама, и брат, и тетя Поля... Он уже не мог вздохнуть. Хотел, но не мог. Огненный шар обрушился на них со всей своей обжигающей силой. Юрий Григорьевич понял, что шар поглотил навсегда — и его самого, и родных ему людей...

...А вагонные колеса все продолжали отстукивать: “Долго жить, долго жить, долго жить...”

Поезд приближался к Воронежу».

Счастливого пути с только зелеными светофорами литературному литерному поезду машиниста человеческих судеб Евгения Новичихина.

Сергей ПЫЛЁВ

ПУЛЯ

Рядовой Тихон Беспалов, тяжело раненный в бою за безымянную высоту, пришел в себя глубокой ночью. Он лежал на животе, уткнувшись в землю, так, что носом ощущал запах весенней зеленой травы. Попробовал перевернуться на спину, и ему показалось, что все его тело — одна сплошная боль. Перевернуться все же удалось, но боль стала еще сильнее.

Раскаты артиллерийских орудий, доносившиеся откуда-то издалека, говорили о том, что наши взяли высоту и линия фронта отодвинулась от этих мест.

Чтобы отвлечь себя от боли, Беспалов стал всматриваться в звездное небо. Его удивило, что война, искорежившая и исковеркавшая всю землю, не смогла изменить неба, и оно оставалось таким же, каким он много раз видел его ночами в родной деревне. В школьные годы Тихон очень полюбил астрономию, и многие созвездия были ему хорошо знакомы. Вот Волопас. На что он похож? Конечно же, на раскрытый купол парашюта. А главная в этом созвездии яркая и загадочная звезда Арктур — понятное дело, парашютист. А вот созвездие Близнецов. Это, как показалось Беспалову, флаг, трепещущий на ветру. А Большая Медведица? Все называют это созвездие ковшом, но ему представилось, что это тачка, в которую он когда-то нагружал навоз и на которой вывозил его в огород, чтобы удобрить почву. Ну, а Малая Медведица — такая же тачка, только поменьше, которую уже опорожнили и оставили перевернутой вверх дном...

Боль все усиливалась и, наконец, сконцентрировалась в одном месте. Беспалов понял, что ранен в спину. Почему в спину? Выходит, кто-то из своих в него выстрелил? Кто? Мелькнула мысль: «Конечно же, Антон! Больше никому!»

С Антоном Подколзиным они были земляками. И не просто земляками, а соседями и одноклассниками. В девятом классе в их сельскую школу пришла новая ученица. Ее звали Ларисой. Она была так ослепительно красива и непосредственна в общении, что Беспалов просто не смог в нее не влюбиться. Оказалось, что и Антон тоже в нее «втюрился». Но сама Лариса видела в них только друзей — не более того.

Тихон потерял сон, стал невнимательным на уроках. В дневнике у него косяком пошли тройки, которых до этого никогда не было. Видимо, с Антоном тоже творилось что-то подобное. И однажды он, Антон, не выдержал и заявил Тихону:

— Все равно Лариса будет моей, так и знай!

Тихон усмехнулся:

— Ну, это еще посмотрим!

Дело дошло до драки. Нет, мордобоя не было — так, потолкали друг друга, помахали кулаками да обменялись угрозами. Но в тот же день об этом узнала Лариса. При первой же встрече недовольно сказала Тихону:

— Вы — и ты, и Антон — мои хорошие друзья. А друг с другом собачитесь. Мне это очень неприятно. Если не перестанете...

Как видно, Антону она сказала то же самое, и предупреждение на них подействовало. Но, кажется, злобу на Тихона Антон затаил.

На войну Тихон и Антон уходили вместе. И попали, к огорчению Беспалова, в одну роту.

Как-то ротный удивленно спросил:

— Беспалов, не пойму я что-то: вы с Подколзиным, как знаю, из одной деревни, а почему же относитесь друг к другу как чужие?

Тихон не стал вдаваться в подробности. Просто пожал плечами. Ротный покачал головой и больше вопросов не задавал.

От Ларисы приходили письма, она исправно сообщала Тихону о деревенских новостях. Он ей тоже писал. Но оказалось, что с Антоном они тоже переписываются. Это Тихона бесило, но ничего поделать он не мог.

Беспалову все время казалось, что Антон не упустит возможности избавиться от соперника в бою. Не раз во время очередной схватки с врагами Тихон ловил себя на том, что беспокойно осматривается вокруг, чтобы понять, где находится Антон и чем он занят. Выходит, что все-таки пошел на преступление, мерзавец!

Тихону надоело смотреть в небо, и он стал вспоминать свою деревню, школьные годы. И о чем ни вспоминал — в памяти обязательно возникал Антон Подколзин с какими-то его не очень красивыми поступками.

Однажды Антон так подставил его перед Ларисой! Дело было в начале лета, когда шли выпускные экзамены в школе. Тихон готовился к ним в лесу, соорудив себе шалаш из веток и травы. Одноклассники знали об этом, и когда кому-то надо было найти Тихона, шли в лес, к его шалашу. А если не заставали там Тихона, то оставляли ему записки. Так сделала и Лариса, оставившая в шалаше записку с приглашением на свой день рождения. Но записка из шалаша исчезла, и Тихон на праздник Ларисы не пришел. Та, конечно, обиделась. Когда Тихон все объяснил ей, стали гадать, как могло произойти, что записка не дошла до адресата. Сошлись на том, что это дело рук Антона. Лариса прямо спросила его, зачем он это сделал. Антон покраснел, но вину не признал.

Как ни пытался Беспалов отвлекать себя воспоминаниями от боли, она все усиливалась, и он снова потерял сознание. Ему показалось, что это продолжалось не больше минуты-другой, но очнулся он в палате госпиталя. Грудь и спина были перевязаны бинтами, и он понял, что ему уже сделали операцию. Первой мыслью, пришедшей к нему в этот момент, снова была мысль об Антоне: «Ну, каков, негодяй!»

Сами собой опять пришли в голову случаи, связанные с Антоном.

Как-то Антон увидел в руках Тихона книгу — «Три мушкетера». Спросил:

— Твоя или библиотечная?

— Моя! — похвалился Тихон.

— Дай почитать на недельку, — попросил Антон.

Тихон читал «Мушкетеров» уже раза три, поэтому не отказал:

— Возьми. Хоть на две!

Прошло месяца полтора. Тихон поинтересовался:

— Антон, а ты что — так и не прочитал мою книгу?

— Извини, — сказал тот, — я ее где-то потерял...

— Как же так? — возмущился Тихон. — Ты же обещал вернуть мне ее через неделю!

Но Антон повторял:

— Извини... извини...

Тихон уже стал забывать о книге, но однажды увидел ее дома у Ларисы. Сомнений в том, что это был экземпляр Тихона, не было: на последней странице красовался «автограф» — каракули младшего брата, Вовки.

— Откуда у тебя эта книга? — спросил Тихон.

— Антон подарил, — ответила Лариса.

Книга осталась у нее — подставлять Антона Тихон не захотел.

Мелочь? Вроде бы, да. Но в течение дня Беспалов припомнил таких мелочей немало.

А к вечеру в палату зашел врач — майор медицинской службы. Поговорил с одним пациентом, с другим. Подошел к кровати Тихона:

— Рядовой Беспалов?

— Так точно! — отрапортовал Тихон.

— Как чувствуете себя?

— Нормально, — ответил Беспалов.

— Операция прошла хорошо, — сказал майор. — Вам повезло: пуля прошла глубоко в тело, но важных органов не задела. Поправляйтесь. Ко мне вопросы есть?

Вопросов у Беспалова не было. Майор улыбнулся:

— Я тут вам сувенир принес. Ту самую пулю, которую извлек из вас. На память, так сказать.

Он положил пулю на прикроватную тумбочку и ушел.

Со своей постели поднялся сосед Беспалова по палате — усатый упитанный старшина с перебинтованной головой. Подошел к тумбочке Тихона, взял пулю, оценивающе разглядел ее. Показал пулю Беспалову:

— Из шмайссера в тебя пульнули, дорогой.

— Из какого еще шмайссера? — насторожился Тихон.

— Из немецкого, какого же еще, — уверенно сказал старшина.

— Ты по физиономии моей читаешь, что ли? — съехидничал Беспалов.

Старшина со знанием дела пояснил:

— По пуле вижу. Во-первых, она остроконечная. Такими пулями немецкие шмайссеры укомплектованы. А у наших ПППШ наконечники пуль закругленные.

Тихон возразил:

— Но у винтовки Мосина пули тоже остроконечные!

— Правильно говоришь, — согласился старшина. — Но есть еще одно отличие. Наши пули — и к шпагинскому автомату, и к мосинской винтовке — легче немецких. А знаешь, почему?

Беспалов никогда над этим не задумывался.

— Правда? — удивился он. — Почему же?

— В немецких пулях сердечник из свинца сделан, а в наших — из стали. А свинец, понятное дело, тяжелее, чем сталь.

Довольный тем, что просветил рядового, старшина, как бы взвешивая пулю, слегка потряс ее в руке и еще раз — безо всяких колебаний — подтвердил:

— От шмайссера пуля, вот те крест!

«Как же так? — задумался Беспалов. — А почему же я ранен в спину?» Его клонило ко сну, и с этим вопросом он и провалился в забытие.

Утром, еще до завтрака, к нему явился капитан госбезопасности. Понятно, ранение бойца в спину — ЧП, которое требует разбирательства.

— Где пуля? — спросил капитан.

Беспалов кивнул в сторону тумбочки.

Капитан взял пулю в руку и тут же снова положил на место, сказав: — Все ясно.

И ушел, не задавая больше никаких вопросов.

Беспалов постарался в подробностях вспомнить, что с ним было в том бою. Вот он сидит в окопе, ожидая команды. Вот командир взвода кричит: «В атаку! За мной!» — и первым поднимается на бруствер. Вот Тихон тоже поднимается и бежит в первом ряду атакующих с криком «ура!» Вот он, уже по привычке, оборачивается, чтобы посмотреть, где Антон. Стоп! Он обернулся! Видимо, в этот момент его и достала немецкая пуля.

Тихону стало стыдно. Очень стыдно! Выходит, Антон не виноват и не надо было так плохо о нем думать?

Вспоминания снова пришли к Беспалову. Но теперь вспоминалось совсем другое.

Перед окончанием девятого класса классная руководительница предложила всем отправиться в экскурсию. Шли лесом, и полдня пробежали незаметно. Вышли к реке, где решили устроить привал. Май в том году выдался очень жарким, и девочки решили искупаться. Одна из девочек вызвалась на спор переплыть речку. Речка была не такой уж широкой, поэтому ничто не предвещало беды. Но на середине реки девочка стала тонуть. Все растерянно смотрели в ее сторону, и только Антон не растерялся. Он, не раздумывая, прыгнул в воду, вытащил девочку, уже потерявшую сознание, на берег и по всем правилам спасения утопающих сделал ей искусственное дыхание. Оказалось, что с этими правилами он знаком с самого детства, потому что его дедушка работал в городе спасателем.

На обратном пути ребята подшучивали над Антоном:

— Ну, все, теперь ты должен на ней жениться!

Антон не терялся:

— Если должен, то женюсь!

Сам же в тот момент поглядывал на Ларису, которая, к удовольствию Тихона, никак не реагировала на обещание Антона жениться.

А еще раньше, в шестом или седьмом классе, был такой случай. На уроке математики, когда учитель, Михаил Васильевич, стоял спиной к классу, объясняя на доске решение задачи, кто-то запустил в его сторону бумажный самолетик. Учитель отошел от доски и, строго посмотрев на всех, спросил:

— Кто это сделал?

Класс молчал. Тогда Михаил Васильевич попросил подняться мальчишек. Снова задал вопрос:

— Кто это сделал?

После нового молчания учитель объявил:

— Все ребята не будут допускаться до моего урока, пока не скажете, кто это сделал.

После этого каждый урок математики начинался с одного и того же:

— Не готовы назвать нарушителя дисциплины? Тогда — вон из класса!

Так продолжалось дней десять. Упорствовал учитель, упорствовали

и ребята. Но всем это, в том числе и самому Михаилу Васильевичу, надоело. И в начале очередного урока математики, когда он — в который уже раз! — поднял всех ребят и спросил: «Кто?», Генка Соловьев, указав на Тихона, соврал:

— Это Беспалов.

Тут же вскочил Антон и возмущенно выкрикнул:

— Неправда, это не Беспалов!

Но Михаилу Васильевичу уже не нужна была правда. Он обрадовался намечившемуся выходу из ситуации и торопливо замахал руками:

— Все! Садитесь, садитесь...

Так инцидент был исчерпан, и никакого наказания не последовало.

«Все-таки Антон — честный парень», — думал Беспалов, и его радовало, что земляк не виноват в ранении. «И как только я мог так плохо о нем подумать!» — недоумевал Тихон.

И даже то, что Антон любил Ларису, теперь не раздражало, как когда-то, а напротив — поднимало соперника в глазах Беспалова. «Да и Лариса, — думал он, — никогда не стала бы дружить с плохим человеком».

И Беспалов решил: «Надо мне подружиться с Антоном. Вот вернусь в часть, встречусь с ним, пожму его руку и спрошу: “А что там пишут из нашей с тобой деревни?”»

...Из госпиталя Тихона Беспалова выписали через два месяца. Явившись в свою воинскую часть, он первым делом отыскал командира взвода, чтобы доложить ему о прибытии. Выслушав доклад, старший лейтенант козырнул в ответ и вдруг спросил:

— Беспалов, а ты знаешь, кто тебя спас тогда? — Почему-то вздохнув, продолжил: — Твой земляк, Подколзин. Всю ночь искал тебя на поле боя. Нашел к утру и притащил в санчасть. А оттуда мы тебя в госпиталь отравили...

Старший лейтенант помолчал. Снова вздохнув, командир взвода тихо сказал:

— Погиб, Беспалов, твой земляк... В тот же день погиб... Бросился под немецкий танк со связкой гранат.

АМАЛИЯ

Утром Сковрцова пригласили к командиру полка.

— Слушай, капитан, — приказал он, — тут тебе необычное задание. Вчера вечером командир одного из взводов просигналил, что на северной окраине городка обнаружен детский дом. Вроде бы там немцы детей оставили. Что с ними делать, непонятно. Ты знаешь немецкий, поэтому бери мой автомобиль, поезжай туда и разберись, что там и как.

— Есть, товарищ полковник! — чеканно ответил Сковрцов.

— И жду от тебя предложений, — добавил командир полка.

Сковрцов вышел на улицу. Трофейный «опель» ждал его у подъезда, тихонько урча своим заграничным мотором. Водитель уже достаточно хорошо ориентировался в незнакомом городке, и на месте они были через считанные минуты. Перед Сковрцовым стоял красивый старинный и довольно обветшавший двухэтажный дом, построенный, как понимал капитан, в готическом стиле. На лестничной ступеньке перед домом сидела немецкая девочка лет пяти-шести. Своими белокурыми волосами и голубыми глазами она напомнила Сковрцову его дочку Настеньку.

Уходя на войну, Сковрцов отвез жену, Нину, и дочку, Настеньку, к теще в деревню Гришино. На семейном совете решили, что там им без него будет лучше, чем в Москве. С той поры никаких вестей от них не было.

Сковрцов понимал, что Гришино оказалось в оккупации. Но время шло, регион, в котором находилось Гришино, по его расчетам, был давно освобожден, однако о своей семье капитан так ничего и не знал. Он написал письмо в военкомат, в зону которого входила деревня, с просьбой прояснить ситуацию. Ответ пришел быстро, и он привел Сковрцова в полное отчаяние. Райвоенком сообщил, что гитлеровцы собрали всех жителей деревни в двух домах и сожгли заживо. Саму деревню полностью уничтожили.

Сковрцов никак не мог поверить в случившееся. Он вновь и вновь читал ответ из военкомата: может, что-то не так понял? Но все больше и больше убеждался в том, что Нины и Настеньки больше нет.

И вот эта немецкая девочка, так похожая на Настеньку. Капитан даже вздрогнул от неожиданности.

— Onkel, sind Sie Russisch¹? — спросила девочка.

— Ja, ich bin Russisch², — улыбнувшись, ответил он.

Она посмотрела на него испуганно:

— Sind Sie hier, um mich zu töten³?

Капитан растерялся. Ничего не сказав, он протянул девочке шоколадку, которую, сам не зная зачем, заранее положил в карман. Девочка шоколадку взяла. Развернув ее дрожащими руками, попросила:

— Onkel, kann ich zuerst Schokolade essen und dann töten Sie mich?⁴

Сковрцов чуть не расплакался. Он взял девочку на руки и ласково сказал:

— Mädchen, Schatz, ich bin hier, um dich nicht zu toten. Ich bin hier, um dich zu retten⁵.

Девочка доверчиво обняла его и разрыдалась.

Чтобы успокоить ее, капитан, подражая ей, шутливо расхныкался. Она перестала плакать, на лице ее проскользнуло подобие улыбки.

— Wie heißt du⁶? — спросил он, глядя ее волосы.

— Mein Name ist Amalia⁷, — сказала она.

«Амалия. Какое красивое имя!», — подумал Сковрцов и назвал себя:

— Und ich bin Onkel Vitya⁸.

— Onkel Vitya, — повторила Амалия, глядя в его глаза.

Неожиданно Сковрцов ощутил, что в здании стоит неестественная для детского дома тишина. Спросил:

— Amalia, wo sind die anderen Kinder⁹?

Она указала вверх:

— Dort, im zweiten Stock¹⁰.

¹ Дядя, вы русский (нем.)?

² Да, я русский (нем.).

³ Вы пришли меня убить (нем.)?

⁴ Дядя, а можно я сначала съем шоколадку, а потом уже вы меня убьете (нем.)?

⁵ Девочка, милая, я пришел не убить тебя. Я пришел тебя спасти (нем.).

⁶ Как тебя зовут (нем.)?

⁷ Меня зовут Амалия (нем.).

⁸ А я дядя Витя (нем.).

⁹ Амалия, а где остальные дети (нем.)?

¹⁰ Там, на втором этаже (нем.).

Он опустил ее на асфальт перед порожками, взяв за ручку и стал подниматься по лестнице на второй этаж. Там его ожидала пугающая картина: дети, человек двадцать, мальчишки и девчонки, тянули к нему руки и все как один просили:

— Essen¹¹...

Скворцов растерялся. Командир полка ожидает от него предложений. А какие тут могут быть предложения, кроме одного: немедленно накормить детей?

Капитан попросил Амалию проводить его на кухню. Кухня оказалась на первом этаже и выглядела полностью разгромленной. Повсюду валялись на полу пустые банки, осколки стекла, какие-то опустошенные пакеты. В шкафах, которые один за другим открывал Скворцов, было то же самое. В голову тут же пришло знакомое русское выражение: «Мышь повесилась». Именно такую картину оставили немцы в детском доме, когда отступали. Даже хлеба у детей не было.

Скворцов сказал Амалии, что скоро вернется с едой и всех накормят. Девочка спустилась вместе с ним вниз. Когда он сел на «опель», она с надеждой помахала ему своей ручонкой.

Не более чем через час капитан вернулся — и не один, а с солдатами, которые без промедлений стали разгружать из машины еду для детей. Тут был и чан с супом, и каша, и хлеб, и компот из сухофруктов. Скворцов поднялся на второй этаж. Дети радостно, наперебой затараторили:

— Onkel Vitya ist da! Onkel Vitya ist da!¹²!

А Амалия, тоже радостно, кинулась к нему и крепко обхватила его ноги руками.

Пока дети ели, капитан решил проверить подвал. Включив фонарик, он стал пробираться по лестнице, заваленной пустыми ящиками, коробками, ведрами, мешками. Он даже сам не понял, что заставило его остановиться перед тем, как сделать последние два-три шага в этот подвал. Наверное, это было чувство самосохранения. И оно его не подвело: подвал был заминирован.

Скворцов осторожно поднялся вверх. Спокойно, чтобы не создавать паники, приказал одному из солдат встать у входа в подвал и никого туда не пускать, а другому — поторопить детей с обедом, собрать всех, увести подальше от здания и ожидать его дальнейших указаний.

Командир полка, которому капитан доложил о возникшей ситуации, без промедления направил к детскому дому группу саперов для разминирования здания. Потом куда-то позвонил и договорился об эвакуации детей в соседний город.

— Ты уж заверши это дело, Скворцов, — попросил он. — Даю тебе автобус для перевозки детей и группу автоматчиков для сопровождения. Дорога хоть и не такая уж длинная, но все может случиться. Мы уверенно идем к победе, и немцы в бешенстве. Собираются отдельными группами и могут ударить где угодно.

Дети ожидали его недалеко от заминированного здания, на соседней улице. Снова, теперь уже сытые, радостно закричали:

— Onkel Vitya ist da! Onkel Vitya ist da!

Скворцов пригласил их в автобус. Амалия села рядом с ним, на пере-

¹¹ Кушать (нем.)...

¹² Дядя Витя пришел! Дядя Витя пришел (нем.)!

дне сиденье, и крепко прижалась к нему. Машина с автоматчиками в кузове двинулась первой, автобус — за ней.

Путь был не такой уж далекий — всего-то сорок или сорок пять минут. Выехали из городка на открытую дорогу, а вскоре через лобовое стекло автобуса замаячили очертания города, в который они направлялись. И тут слева от дороги послышались выстрелы. «Засада!» — понял Скворцов.

Крикнув водителю: «Гони!», капитан на ходу выскочил из автобуса, чтобы примкнуть к автоматчикам и руководить их действиями. Оказалось, что они уже рассредоточились вдоль дороги и успешно отбивают атаки немцев. Капитан оглянулся назад и увидел, что автобус с детьми обогнул переднюю машину и набирает скорость. В этот момент с немецкой стороны в сторону автобуса полетела какая-то бутылка. «Brandhandgranate!» — понял Скворцов, вспомнив название вражеской бутылки с зажигательной смесью.

Бутылка угодила прямо в середину автобуса, и он вспыхнул, словно факел, сразу же остановившись. Мелькнула мысль: «Сейчас рванет! Успею ли дети выбраться?» Сколько времени прошло до оглушительного взрыва, капитан не смог бы сказать. Казалось, одно мгновение. Столб пламени взвился над автобусом, и Скворцов закричал:

— Амалия!

Но сделать он уже ничего не мог.

Капитан поднялся во весь рост, крикнув автоматчикам:

— За мной!

Немцы в панике побежали в сторону леса.

* * *

Прошло двадцать лет. Бывший капитан Красной Армии Виктор Васильевич Скворцов работал в родном Первом Московском государственном педагогическом институте иностранных языков на Метростроевской улице. Окончив войну в Берлине, он, демобилизованный, приехал в Гришино, надеясь найти хоть какие-то следы жены и дочери. Но нашел тут только обгоревшие печные трубы. Надо было начинать новую жизнь, искать работу. И он уехал в Москву.

В институте его помнили и предложили должность младшего научного сотрудника. Он увлеченно занялся научной работой. Со временем защитил кандидатскую диссертацию, стал доцентом.

Однажды, в канун двадцатилетия Победы, его, фронтовика, пригласили на встречу с первыми выпускниками Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Он рассказывал им о своем боевом пути, о фронтовых товарищах. Вспомнил и немецкий детский дом, рассказал про запавшую в душу девочку Амалию, сгоревшую в страшном огне. Студенты слушали его затаив дыхание. И в этой тишине вдруг звонко прозвучал голос девушки, вставшей в полный рост где-то в конце зала:

— Дядя Вита! Я жива!

Зал замер... и взорвался овацией.

А девушка, торопливо выйдя в проход между креслами, устремилась к нему на сцену.

Да, это была она, Амалия. Она была уже не той маленькой девочкой, какую он держал на руках в немецком городке, но Скворцов узнал ее по белокурым волосам, голубым глазам и неповторимой улыбке. Именно такой он представлял себе в мыслях свою выросшую дочку Настеньку.

Когда она, поднявшись на сцену, обняла его и как когда-то крепко прижалась к нему, зал взревел от восторга. Но им было не до зала. Они ушли за сцену, вышли из университета. Бродя по московским улицам, не могли наговориться. К удивлению и радости Скворцова, Амалия очень хорошо объяснялась по-русски. Как только открылся Университет дружбы народов, она поступила на его подготовительный факультет, а потом стала учиться на медицинском.

— Ты помнишь, как спаслась? — спросил Скворцов.

— Такое нельзя забыть, — сказала она. — Когда загорелся автобус, водитель разбил боковое стекло и сделал знак, чтобы мы следовали за ним. Вылез первым и помогал вылезти нам. Я ближе всех была к окну, поэтому спаслась раньше всех. Потом, до взрыва, еще две девочки успели вылезти. Водитель приказал нам бежать подальше от автобуса. Мы отбежали совсем недалеко, и тут раздался взрыв. Водитель погиб вместе со всеми...

Амалия рассказала, как последние пять лет, гуляя по улицам Москвы, мечтала встретить своего дядю Витю.

— А раньше, в Берлине, — призналась она, — я часто ходила в Трептов-парк. И когда смотрела на знаменитую скульптуру, то всегда представляла себе, что это ты, дядя Витя, держишь меня на руках.

Амалия вдруг погрустнела:

— Жаль, что я скоро уеду. Через две недели получаю диплом врача — и в Берлин. Увидимся ли когда-нибудь еще? Но письма я буду писать обязательно!

Она писала часто. Рассказывала о своей клинике, о том, как нравится ей работа врача. В одном из писем Амалия разоткровенничалась и сообщила, что у нее появился парень — Ортвин, тоже, как и она, врач. В последующих ее письмах непременно мелькало: «Мой Ортвин сказал...», «Мой Ортвин считает...», «Мы с Ортвином решили...», «Мы с Ортвином съездили...». Раза два Скворцов спросил у нее: «А не сделал ли Ортвин ей предложение?» Но Амалия отмолчалась.

А однажды она сообщила, что сама сделала Ортвину предложение. Оказывается, у немцев есть такая давняя традиция: один раз в четыре года — в високосный год, 29-го февраля — девушка может сама предложить парню руку и сердце. И он должен ответить «да». Если же хочет отказаться, то обязан отдариться дорогими подарками. По словам Амалии, Ортвин был рад предложению и сразу согласился. Они стали готовиться к свадьбе. Назначили дату, и Амалия сообщила, что не мыслит себе свадьбы без участия в ней своего дяди Вити.

Скворцов стал бегать по инстанциям, чтобы оформить визу в ГДР. Оказалось, что это не так просто. Согласование характеристики, какие-то бесконечные комиссии и собеседования...

И тут случилось неожиданное: Скворцову предложили поездку в ГДР в составе группы фронтовиков по линии Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами. Поездка, правда, не совпадала с днем свадьбы. Но Амалия прислала телеграмму, сообщив, что свадьбу перенесли и ждут его в берлинском ресторане «Лукулл», бывшем «Борхардт», на Францезише-штрассе.

... В ресторан Скворцов опаздывал. Во-первых, затянулась официальная часть встречи в Обществе германо-советской дружбы. Во-вторых, руководитель группы долго и придирчиво выяснял, куда он едет, надолго ли и зачем. В-третьих, Скворцов понятия не имел, где находится эта са-

мая Францезиш-штрассе, хоть и в Берлине неплохо ориентировался: ведь он брал его в сорок пятом. А надо было еще и цветы купить!

Словом, когда он входил в ресторан, все гости сидели за длинным столом и кого-то ждали. Оказалось — ждали его. Амалия радостно вскочила со своего места и бросилась к нему. Гости в недоумении переглядывались: мол, кто это? Амалия расцеловала его и, обращаясь к приглашенным, заявила:

— Kennenlernet, das ist mein Vater¹³.

Гости стали перешептываться: «Какой папа? Откуда? Она же детдомовская!»

А Скворцов, вручив Амалии букет, крепко обнял ее и прошептал на ухо:

— Будь счастлива, доченька!

ЮМАНТА

Видавший виды юркий туристический микроавтобус вынырнул с тихих улиц Вильнюса и покатил нас в Тракай. С утра наша гид — миловидная и знающая свое дело Лена — водила нас по старому городу, рассказывая о поселениях балтов на вершинах местных холмов, о курганах Литвы, о боях с крестоносцами, которые неоднократно сжигали Вильнюс дотла, и о многом другом. С башни Гедиминаса мы с интересом осматривали панораму города — когда-то нашего, советского, а теперь чужого и, как всем показалось, не очень-то к нам приветливого.

Нас было десять человек — в основном молодежь из разных русских городов и весей. Среди нас выделялась только Юманта — пожилая ленинградка, которая, как оказалось, когда-то родилась и жила здесь, в Вильнюсе. В «газели» она сидела прямо передо мной. А позади, совсем не слушая гида, все время ворковала влюбленная парочка — Володя и Светлана. Не обращая ни на кого внимания, они прерывали свое воркование только долгими поцелуями.

Когда мы утром выезжали из гостиницы «Драугисте», я услышал, как Светлана негромко сказала Володе:

— Чую, намучаемся мы с этой Юмантой в дороге... Не для нее это утомительное путешествие... Старуха ведь... И зачем ей этот Вильнюс? Она же не хуже Лены его знает!

Володя возразил подружке:

— Видно, воспоминания привели ее сюда...

— Какие воспоминания? — усмехнулась Светлана. — Она же, я думаю, уже не помнит ничего!

Поездка в Тракай прошла на одном дыхании. Очаровательная природа, величественный островной замок, рассказы Лены об истории этих мест впечатлили всех. В Вильнюс мы въезжали изрядно уставшими и проголодавшимися. Но все шло по графику, и к ужину в гостиничном ресторане мы, кажется, не опаздывали.

Неожиданно наша «газель» остановилась. По улице, на которую нам надо было свернуть, стройными рядами шагали агрессивного вида люди, выкрикивавшие какие-то лозунги.

— Кто это? — спросил Володя.

— Это неонацисты на демонстрацию вышли, — спокойно объяснила

¹³ Знакомьтесь, это мой папа (нем.).

гид Лена, для которой представшая перед нами картина была, кажется, обычным делом.

— Мерзавцы! — отчетливо донеслось с места, на котором сидела Юманта.

— Ну зачем вы так? — возразил женщине Володя. — Это демократия. Каждый вправе иметь свое мнение и открыто его высказывать...

— Мерзавцы! — повторила Юманта. — И никакая это не демократия. Я знаю, что говорю!

— А вы что, — удивился Володя, — встречались с такими?

— Да уж пришлось... — ответила Юманта. — Поддонки!

Володя, хохотнув, поправил ее:

— В слове «подонки» одна буква «д», а не две.

— Именно так: поддонки! — возразила ему Юманта. — Подонки — это те, кто на дно опустился. А эти... они ниже всякого дна. Они под ним!

Володя попытался еще что-то сказать, но Светлана тихонько остановила друга:

— Да не спорь ты с ней...

Володя примолк.

Нацистская символика, то и дело мелькавшая на улице, постепенно стала исчезать. Марш нацистов завершился, и наша «газель» продолжила путь. Попетляв по узким улочкам, микроавтобус выехал к какой-то глухой кирпичной стене. Неожиданно Юманта встала со своего места и попросила водителя:

— Остановитесь на минуточку...

— Ну, началось... — недовольно фыркнула позади меня Светлана.

Юманта вышла из «газели», подошла к стене. Прислонившись к облезшему кирпичу рукой, а потом и своей морщинистой щекой, что-то прошептала. Потом трижды помолилась, склоняя голову, и медленно пошла в нашу сторону. Входя в «газель», тихо сказала:

— Извините, здесь я в последний раз видела свою маму...

Все притихли.

Подъехав к «Драугисте», группа сразу отправилась в ресторан. За ужином Володя при всех сделал Светлане предложение. Та смущенно зарделась и, прижавшись к Володе, сказала:

— Да, я согласна.

Мы дружно заплодировали, а радостный Володя, поцеловав Светлану, со словами «Я сейчас...» куда-то убежал. Минут через пять он вернулся с огромным букетом алых роз, который вручил любимой. Мы снова заплодировали.

После ужина часть группы отправилась погулять в соседний парк, а я присел отдохнуть в фойе отеля. Рядом со мной оказались и Володя со Светланой. Через пару минут к нам присоединилась и Юманта.

— На шестнадцатом этаже уютный бар есть, — вдруг сказал Володя. — Мы со Светой пригласаем вас туда. Музыка послушаем, выпьем немного... У нас же праздничный день!

— Старая я уже для баров, — улыбнулась Юманта.

— Ой, да что вы! — вмешалась Светлана. — Пойдемте!

Немного помявшись, Юманта встала:

— Ладно, пойдемте...

В баре действительно было уютно. Играла тихая музыка, а посетителей, кроме нас, не было. Володя заказал коньяк, вино, какие-то закуски. Устроившись за столиком у широкого окна, за которым открывался кра-

сивый вид на город, делились впечатлениями о поездке в Тракай. Юманта все время смотрела в окно, думая о чем-то своем. Ее размышления прервала Светлана:

— Юманта, извините за вопрос. Вы литовка?

— Я русская, — ответила женщина. — Точнее, папа мой был русским.

А мама — да, она была литовкой.

Вздыхнув, Юманта добавила:

— Папа умер незадолго до вторжения немцев в Литву...

— Там какая-то мутная история с Литвой была, — поделился своими не очень уж богатыми познаниями Володя. — То она немецкой была, то нашей, то снова немецкой...

Юманта посмотрела на него с усмешкой:

— Когда немцы оккупировали Литву, некоторым казалось, что это к лучшему. Теперь, мол, открыт путь к независимости. Но вскоре наступило разочарование. Да еще какое! Немцы не скрывали, что считают литовцев низкой расой.

Юманта остановилась, вспоминая прошлое, вздохнула.

— Почти сразу они стали агитировать литовскую молодежь ехать на работу в Германию. Повсюду появились красивые плакаты: «Я живу в германской семье и чувствую себя прекрасно. Приезжай в Германию помогать по хозяйству!» Обещали хорошо оплачиваемую работу, хорошее жилье. Завлекали тем, что у каждого в Германии будет много свободного времени, чтобы красиво отдыхать, слушать музыку и танцевать. Призывали приглашать с собой братьев, сестер, знакомых. Мол, вместе можно ехать, вместе работать, вместе проводить праздники... Многие на эти призывы «клюнули». Среди них и я была. Тогда мне, шестнадцатилетней, трудно было понять, где правда, а где обман. Жили мы с мамой бедно, и я подумала, что у меня появился шанс. Если бы я знала, чем это обернется!

* * *

На сборном пункте, откуда молодежь отправляли в Германию, было много сутолоки и еще больше слез. Юманта обняла плачущую маму:

— Мамочка, не плачь... Все будет хорошо... Я буду часто тебе писать...

Вооруженные автоматами немцы торопили:

— Auf den Wagen! Auf den Wagen!

Им вторил переводчик:

— По машинам! По машинам!

Юманта закинула свой рюкзак в кузов грузовика, с трудом перелезла через борт сама. Затарахтел мотор, и грузовик тронулся с места. Мама Юманты, протянув руки в сторону отъезжавших, истошно закричала:

— До-очка! — и кинулась было вслед за грузовиком. Но немецкий солдат, преградив ей дорогу, ударил в грудь женщины прикладом автомата. Падая, та ударилась головой о кирпичную стену и недвижимо распласталась на мостовой.

Порыв Юманты выпрыгнуть из кузова набирающего ход грузовика остановил тот же самый немецкий солдат, направивший в ее сторону ствол своего автомата. Юманта расплакалась, неотрывно глядя на маму, пытаясь поймать хоть какие-то признаки, что она жива. Но грузовик свернул на другую улицу, и девушка, оставшаяся в неведении, уже захлебывалась от рыданий. Кто-то стал успокаивать ее:

— Да не переживай ты так! Может, все не так плохо, как ты думаешь...

В непрерывных мыслях о том, что стало с мамой, Юманта не заметила, как их привезли на железнодорожную станцию, как разместили в товарных вагонах, как тронулся поезд. Понемногу начала отходить, когда заметила, что рядом с нею, глядя ее, рыдающую, по волосам, сидит на соломе незнакома девушка.

— Ты кто? — удивилась Юманта, вытирая слезы.

— Даша, — улыбнулась девушка.

— Откуда ты? — поинтересовалась Юманта.

— Из Смоленской области, — вздохнув, ответила Даша. — Немцы сожгли всю нашу деревню. Почти все жители села ушли в партизаны. А я не успела. И вот тут оказалась. Схватили они меня и еще несколько наших девчат и парней по дороге в лес. И сразу — в грузовик, на станцию...

— А что с родителями?

— Папа на фронте. А маму...

Даша внезапно тоже расплакалась, и Юманте пришлось успокаивать теперь ее саму. Через несколько минут девушка притихла. Прижавшись к Юманте, сказала:

— Маму фашист застрелил. Этот немецкий ублюдок повалил меня на сено, а мама подошла и ударила его пустым ведром по голове. Он вскочил и выстрелил в нее из автомата. А я в это время от него убежать успела...

Даша снова расплакалась.

«Вот, — подумала Юманта. — У Даши уже нет никакой надежды. А у меня она еще есть. Надо держаться!»

Так, успокаивая друг друга, они провели весь долгий путь до самой Германии. За эти дни очень сдружились и мечтали об одном: чтобы там, в чужой стране, они оказались вместе.

К их радости, так и случилось. На какой-то пристанционной площади — как позднее выяснилось, недалеко от Дрездена — привезенную в Германию молодежь, высадив из вагонов, построили в длинные ряды. Их, эти ряды, обходили солидные немецкие бюргеры и подбирали работников для своих хозяйств. Но белокурую Дашу быстро обратил внимание лысый и весьма упитанный немец. Указав на девушку пальцем, бюргер командным тоном произнес:

— Folge mir!

Один из крутившихся поблизости переводчиков, подскочил к Даше и приказал:

— Следуйте за этим господином.

Даша машинально взяла в свою руку ладонь Юманты и потянула ее за собой. Но переводчик преградил Юманте дорогу. Обернувшийся бюргер внимательно посмотрел на вторую девушку и благосклонно кивнул головой.

Хозяйство немца располагалось километрах в трех от станции. Юманту и Дашу разместили в пустой конюшне, кинув им в угол, где лежала солома, какое-то старое тряпье. Это была их постель. Конюшня оказалась обещанным им «хорошим жильем».

В дальнейшем выяснилось, что все остальные обещания — такой же обман. «Хорошо оплачиваемая работа» была невыносимо тяжелым трудом по пятнадцать-шестнадцать часов в день. Обрабатывать землю и собирать урожай, поддерживать чистоту в огромном доме и во множестве

подсобных помещений, кормить коров, овец, гусей, собак и содержать в порядке их помещения, убирать по вечерам строительный мусор в пристройке к дому, сооружению которой, кажется, не было конца... «Хорошая оплата» за такую работу заключалась в том, что иногда хозяин давал девушкам какую-то мелочь, чтобы они могли купить открытку и отправить ее домой. У Даши такой необходимости не было, и она собирала эту мелочь на мороженое. А Юманта регулярно отправляла открытки в Вильнюс, маме. Но ответа не получила ни разу.

Ну а «хорошее питание» было миской супа с картофельными очистками — да и та один раз в день.

Изнуренные работой, Юманта и Даша, теряя силы, худели прямо на глазах.

А вскоре дел еще прибавилось. На ферме появились две красавицы — лошади, и за ними нужен был постоянный уход. Девушки должны были следить, чтобы в загоне всегда был овес, вода, чтобы животные выглядели отменно чистыми, а в конюшне было убрано. На это тоже уходило немало сил.

Оказалось, что лошадей хозяину привезли из России. У них, конечно, были свои, русские клички. Но никто этих кличек не знал, а хозяин назвал лошадей по-своему — Бруна и Грета. На новые клички животные, разумеется, не реагировали, чужого языка не понимали. Это злило хозяйина, и он нещадно избивал лошадей, как и девчонок, — то плетью, то какой-нибудь попавшейся под руку палкой. Но еще сильнее злился хозяин, когда замечал, как сильно привязались лошади к Юманте и Даше. С ними Бруна и Грета были вполне послушными. И понятно, почему: во первых, девочки были с ними всегда ласковы, а во-вторых — они разговаривали с ними на понятном языке. И если хозяин обнаруживал вдруг, что Юманта или Даша украдкой гладят Бруну или Грету по холке, тихонько говорят им что-то, прислонившись к шелковистым гривам, то тут уж доставалось всем — и девочкам, и лошадям.

Однажды Юманта, написав очередную открытку в Вильнюс и спросив разрешения у хозяина, отлучилась на почту, чтобы ее отправить. Вернувшись назад, обнаружила Дашу забившейся в угол конюшни с опухшими от слез глазами, и сразу поняла, что с подружкой случилось что-то неладное. На вопросы Юманты Даша не отвечала — только молча глядела на нее каким-то опустевшим взглядом. Ее ноги и руки были в синяках, а платье разорвано.

«Неужто хозяин изнасиловал?» — догадалась вдруг Юманта.

Всю ночь Даша не спала. Стонала, задыхалась от рыданий. А утром Юманта, не найдя ее в привычной «постели», обнаружила подружку в петле из конских постромок, привязанных к деревянной конюшенной балке. Тело подружки было уже холодным.

Как Даша, низенькая и худенькая, смогла добраться до этой балки, было понятно сразу: рядом валялась стремянка, которую хозяин еще вчера занес в конюшню, прислонив ее к стене, после завершившихся немец-то работ по сооружению пристройки.

На крик Юманты прибежал хозяин. Увидев тело Даши, выругался, освободил его от петли и, взяв в охапку, куда-то поволок. Юманту, которая пошла следом за ним, решительно остановил жестом.

Тайком выглядывая из-за угла конюшни, Юманта увидела, что немец притащил тело Даши к границе своего поместья — туда, где проходила дорога. Вернулся за лопатой. Выкопал на дорожной обочине совсем не

глубокою яму и столкнул в нее тело. Забрал его землей, сравнив ее с поверхностью обочины, а остатки земли разбросал вокруг.

Вечером, после уборки конюшни, Юманта, собрав возле поместья букет из каких-то невзрачного вида цветов, направилась к дороге, чтобы оставить эти цветы на месте захоронения подруги. Но навстречу грозно шагнул немец, пригрозив девушке плетью. Пришлось вернуться назад.

Без Даши работать стало совсем невыносимо.

Вскоре поздним вечером, не успела измученная за день Юманта и прилечь на отдых, в конюшне появился хозяин и жестом приказал девушке раздеваться. Ей как-то удалось вырваться из его рук и убежать. Юманта ворвалась в комнату фрау и попыталась объяснить ей, что произошло. То ли поняла ее фрау, то ли не поняла, но она, ухмыльнувшись, заорала на несчастную и выдворила ее вон. Эту ночь Юманта провела на улице, на могиле Даши.

Но настойчивые попытки хозяина добиться своего продолжались. И Юманте не всегда удавалось избежать насилия. Спас случай. Однажды расквирепевший хозяин в очередной раз исхлестал плетью непокорных лошадей. Грета не выдержала издевательств и так ударила копытом в грудь неосторожно подошедшего к ней сзади немца, что тот упал замертво.

Фрау оказалась не менее, а иногда и более жестокой, чем муж. За малейшую провинность — плеть. А провинности она находила ежедневно и практически в каждом деле, которое выполняла Юманта.

Когда же фрау заметила, что живот у девушки стал округляться, то, к удивлению Юманты, за плеть не взялась. Просто указала на ворота:

— Geh raus! Пошла вон!..

* * *

Юманта снова отошла к окну. Ее плечи вздрагивали. Понемногу успокоившись, она вернулась за наш столик:

— Простите, мне очень трудно об этом вспоминать. Особенно о том, что было после ухода из немецкой усадьбы. А были голодные скитания по каким-то подвалам, по немецким, а потом по польским лесам... Ночами, еле ногами волоча, я пробиралась на восток. Днем-то боялась нарваться на какой-нибудь немецкий патруль. Где-то в Польше меня приютила одинокая сердобольная старушка-полячка. В ее доме я и родила Мишутку — очаровательного улыбчивого и очень тихого мальчика.

Впервые за длинный разговор Юманта на мгновение улыбнулась, но опять помрачнела:

— Кто-то из соседей донес немцам, что, мол, у старушки прячется какая-то молодая женщина с ребенком. Не еврейка ли? Пришли нацисты, не разбираясь ни в чем, отправили меня в концлагерь. Мишутку в тот же день у меня отняли...

Юманта разрыдалась и уже в который раз отошла к окну. Когда опять села к нам за столик, выпила рюмку коньяка.

— Что такое концлагерь и какие там порядки, вы, я думаю, знаете по публикациям журналистов. Но реальность куда страшнее. Чуть больше месяца я провела в концлагере. Еще бы несколько дней — и я бы не выжила. Но пришли наши. Надо было бы радоваться, но сил на это ни у кого уже не было.

— Там, на польской станции, откуда нас отправляли домой, стоял состав с товарными вагонами, в которых немцы везли из России лоша-

дей, — завершила Юманта свой рассказ. — Наверно, не поверила бы, если бы не видела сама: лошади плакали, услышав родную русскую речь. Большие капли слез капали из их глаз, и смотреть на это было невыносимо — сердце разрывалось на части. Я в тот момент вспомнила Бруну и Грету. Думаю, они тоже плакали, когда наши вошли в ту деревушку под Дрезденом.

Юманта надолго замолчала. Мы тоже притихли, потрясенные рассказанной ею историей. Молчание прервала Светлана:

— А ваша мама... она нашлась?

Юманта тяжело вздохнула:

— Когда я снова оказалась в Вильнюсе, то узнала от нашей соседки, что мама в тот день домой так и не вернулась...

* * *

...Из гостиницы мы уезжали рано утром. Почти вся группа собралась у «газели» к назначенному времени. Опоздали только Володя со Светланой.

— Простите, мы проспали, — извинился Володя.

Все понимающе заулыбались.

Глядя в окошко микроавтобуса, узнавали уже знакомые улицы и здания. А вот и кирпичная стена, к которой вчера выходила Юманта.

— Остановитесь, пожалуйста, — попросила водителя Светлана.

Девушка двинулась по проходу со своим огромным букетом роз. Выйдя на улицу, она подошла к стене и возложила к ней алый букет. Недолго постояв здесь, Светлана помолилась и направилась к «газели». Когда она появилась в проеме двери микроавтобуса, Юманта признательно ей улыбнулась...

